

ЧАЕПИТИЕ РЯДОМ С ТРУПАМИ

Стиль морской болезни в детективе Кэтрин Бигелоч

Екатерина Сальникова

БИВАЮТ фильмы, где все эстетические радости подаются на блюде. Режиссер с оператором подобострастно и остервенело впечатывают его в физиономию благодарного зрителя. Притом «блюдечко» обрушивается на сознание и подсознание так часто, что голубой каемочки на нем уже не разглядеть. Но зато и не скучаешь. Так вот «Вес воды» Кэтрин Бигелоч («На гребне волны») не предлагает подобных эффектов. Это кино для тех, кого не надо развлекать: у кого достаточно богатый внутренний мир и кто может продолжать думать о своем, пока длятся нужные, но нудные сцены.

При наличии инцеста, сумрачного колорита диких американских островов и судопроизводства XIX века, демократически комфортного быта современной яхты, убийств, любовных перипетий и загорающей topless Элизабет Херли «Вес воды» не дает зрителю ни единой поблажки и ни разу не опускается (и не поднимается) до простого нормального триллера. Эклектика картины не столько щекошет нервы, сколько норовит ввести зрителя в состояние комы. Фильм выдержан в сизо-серо-синей гамме, явно конкурируя своей «изысканностью» с рекламными роликами мятной жевательной резинки и газированной минералки. Ритм же картины действительно напоминает жизнь водной стихии и очень авторского кино. Сначала долгий изматывающий штиль. Две пары на яхте. Журналистка-фотограф (Кэтрин Маккормак) сидит в маечке и с очками на носу. Изучает факты по делу об убийствах двух женщин в 1873 году. Упорно не желает хорошо выглядеть. Щелкает фотоаппаратом, останавливая еле ползущее время фотокадрами. Спутники журналистки предстают застывшими в тонированных серо-голубых снимках. Это на память в личный альбом или для приложения к будущему криминальному делу?

Недовольно смотрит героиня на своего мужа-поэта (Шон Пенн). А муж, невольный собой, смотрит на приятельницу брата (Элизабет Херли), которую явно не волнует ничто, кроме загара и своей тотальной женственности. Брат (Джош Лукас) вылезает временами на палубу и не знает, то ли ему тоже на кого-нибудь глянуть повнимательнее, то ли эротическими движениями помассировать спинку подружке. Никто ни с кем не заигрывает. Никто ни с кем не скандалит. Иногда цитируют стихи. От все-

В самом своем знаменитом фильме («На гребне волны») режиссер Кэтрин Бигелоч описывала быт серферов — и все кино было таким же лихим и мускулистым. В новом ее фильме «Вес воды» по глади моря медленно скользит яхта — и само кино маниакально дрейфует между потаенными влечениями и бесконтрольной ненавистью.

Независимая газ. — Росс. — 17 июля. — С. 7.

го, и в особенности от последнего, становится тошно. Потому что все четверо чего-то друг от друга ждут. И нет никаких сомнений в том, что рано или поздно кто-то погибнет. Иначе зачем выходить в открытое море в такой узкой компании и растрavлять себе душу?

Когда бессобытийное плавание длится десять минут, кажется, что это просто проваленная режиссером экспозиция. Когда проходит двадцать минут, понимаешь, что Кэтрин Бигелоч не лишена садизма. Когда и через час современный пласт все на том же месте, если не считать несостоявшегося занятия любовью супругов среди архивных полок на острове, чувствуешь, что подняться и уйти из зала невозможно. Картина укачивает. Превращается в эмоциональный эквивалент морской болезни. И тут режиссер начинает разрушать из-

полнен фактурой сыроватой деревянной мебели и матово-тусклой кухонной утвари, грубыми домоткаными юбками и стеклянными от скуки глазами юной жены рыбака (Сара Полли), обреченной хозяйничать без надежды на спасение из этой глуши. И вдруг замечаешь, что низкое и плоское, как потолок, облачное небо несется над домиком посреди скал, мха и морских просторов. Кажется, земля остановила или резко замедлила свое вращение. Чтобы ничего в этой жизни не могло измениться. А небо, наоборот, решило обрести плоть, вес и скорость. Чтобы не оставаться над домом, где нет надежды на счастье.

Несомненно, оригинален у Кэтрин Бигелоч образ женщины-убийцы. Для него режиссер избирает классическое амплу лирической инженю, поданное с ультрасовременной толерантностью к жестокости и почти физиологическим любопытством — как протекает жизнь до и после момента, когда в руки берется топор и обрушивается на тех, кто мешает существовать. Героиня Сары Полли, молчаливая и отрешенная, со своим правильным и почти детским овалом лица, с прямым пробором, в черной шляпке, вся почти окаменевшая, — собирательная копия всех пикантно неброских девушек на картинах прерафаэлитов. Ей ничего не остается, как до последнего терпеть присутствие и отсутствие нелюбимого мужа, представления постояльца, стервозности сестры и проявления нежности от жены страстно обожаемого брата.

Героиня вершит расправу над ненавистными женщинами импровизационно. Убить — это так быстро, легко и безопасно, если не было предварительных приготовлений и сопутствующих сомнений. Процесс забивания одной женщины табуретом, а другой — топором, как и перетаскивание трупа за ноги в дом, чтоб было покучнее, показаны отчетливо, но без подробностей. Не эта сцена самоценна. Главное — как потом девушка-убийца, с окровавленным лицом, ночнушкой и руками, сядет за свой родной обеденный стол и будет рядом с трупами пить чай. Из привычной чашки, на которой тоже останутся кровавые разводы. Ну и пусть. Отпечатков пальцев еще не избрели. Пожалуй, это и есть центральная сцена фильма, ради которой можно вытерпеть и все остальное. Кэтрин Бигелоч сняла картину о том, что убийство — это острое желание чьей-то смерти или просто невозможное сильное нежелание чьей-то жизни. Все остальное — последствия, везение, стечение обстоятельств, чай.